

## УСТОЙЧИВАЯ ДЕМОКРАТИЯ — МОДЕЛЕЙ МНОГО, ПОВЕСТКА ОДНА

Глеб Павловский



Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала». Сомодератор секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта» Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» в Ярославле (10—11 сентября 2010 года).

**И**сходный пункт нашего доклада — это, увы, дефицит профессионального обсуждения Россией ее собственного демократического развития. При избытке пропаганды нам не хватает дебатов, основанных на сути дела. Моральная катастрофа демократов первой волны в России начала 1990-х годов сделала использование демократической терминологии полузапретным. Наши дебаты стали вестись на технократическом либо идеологическом сленге. Процесс демократического развития в России давно уже не сопровождается обсуждением и анализом ее демократического опыта.

Россия мало знает об опыте разработки собственной модели демократии. Модель исподволь менялась, разрабатывалась, но при дефиците теории модель разрабатывалась как бы по умолчанию. Еще на прошлогоднем Форуме выявилось, как плохо Россия представлена на мировом «рынке моделей» демократии. Теорию

*Выступление на презентации доклада «Российская демократия: от устойчивости к обновлению», подготовленного к Мировому политическому форуму «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», Ярославль, 10 сентября 2010 года.*

двигали практики, которые избегали углубляться в научные дебри. Концепты «вертикали власти» и «суверенной демократии» отставили важные приоритеты российской модели — деприватизацию государственной власти, независимость и суверенитет России, наше сопротивление политике «монополярности». Но комплексная теория демократии в России остается неразработанной. Мы никак не освободимся от наследия президента Буша, сделавшего из «демократии» пароль силовой гегемонии. Мы увязли в полемике, которая бесполезна в демократическом строительстве.

За прошедший после первого Форума год мы вступили в диалог с участниками старого и нового форума. Сформировалась сеть дебатов о российской модели демократии в международном контексте. Это помогает непропагандистски подойти к вопросу о российской демократизации — какие задачи она решает и находятся ли они внутри глобальной демократической повестки? Ведь если, как часто полемически заявляют, демократия в России отсутствует, или является «фасадной», «витринной», то большинство законотворческих действий власти выглядят просто бессмысленно — им присущ очевидный демократический и правовой вектор.

Обсуждая в течение этого года проблемы самых разных стран, от США до Японии, Италии, мы выяснили, что исключительность проблем демократии в России — миф. Нет ни одной проблемы, с которой сталкивается российская политика, у которой не было бы аналогов в западной демократической политике.

Что именно чаще всего называлось?

Важная тема дефицитов демократии. Она обсуждается в связи с Евросоюзом, где есть проблема «ножниц легитимности» между избранными правительствами и неизбираемой бюрократией Брюсселя. Но она возникает в самых разных областях. Например — дефицит демократии в мегаполисах. Ведь когда мы говорим «современный мир», когда мы говорим «глобальное развитие», мы чаще всего имеем в виду образ жизни в мегаполисах. Но именно в мегаполисах демократическая модель действует иногда очень искаженно. Даже если избрание руководства осуществляется демократически, его функционирование в дальнейшем оказывается непрозрачным.

Это демократия не для граждан, а для инвесторов, то есть олигархия. В мегаполисе действуют сниженные критерии демократических процедур. Считается, что это компенсировано большей активностью горожан. Но, опять-таки, мегаполис не вполне доступен для горожан, он — узел глобальных сетей, которые для его жителей часто невидимы. Так российские участники говорили о Москве, а западные — о мегаполисах Европы, Соединенных Штатов, Японии. Москва — яркий пример олигархии инвесторов, совершенно непрозрачной системы, инкорпорированной в российскую модель одним закрытым блоком под именем мэра Юрия Лужкова. Яркий пример демократического дефицита, притом, что мэра поддерживает многолетнее, легко пролонгируемое большинство.

Говорили о трендах «постдемократии» и об упадке представительной власти. В том числе и в связи с измененной ролью медиа, вытесняющих партийные структуры и дебаты. **О коррупции** говорили все, как о самоочевидной проблеме демократии.

**Проблема разрыва между элитами и избирателями, проблема «неправительственных элит» гражданского общества.** Теоретики — речь идет об очень серьезных людях, хорошо известных, таких как, например, Джон Данн, Филипп Шмиттер, покойный Шмуэль Эйзенштадт — отмечают, что в рамках неправительственных организаций сложился мало-прозрачный класс-претендент на всеобщее представительство. Никем не избираемая элита «авторитетных людей», которые выступают от имени общества в целом, претендуют на эксклюзивный прогрессизм. **Такая элита заинтересована в «очаговой либерализации» в ущерб демократии для всех.**

Вообще, обсуждались **проблемы дисфункциональности демократии в усложняющемся обществе.** Современное государство в погоне за эффективностью сдвигает в сторону всю систему демократических процедур. Возникают совершенно новые явления, которое вообще раньше в такой форме отсутствовало. Например, в Соединенных Штатах Америки в гигантскую проблему для демократии сегодня вырос популизм. Будучи и раньше присущ американской модели, он вырос в новую силу, которая противопоставляет себя уже не одной партии, а в каком-то смысле всему направлению развития партийной системы в целом. Но мы в России привыкли думать, что популизм — это эксклюзивно российская опасность. Это не так.

**Мы не нашли таких российских проблем, с которыми бы не сталкивались на Западе, Востоке и мировом Юге.** Здесь уже начинаются главные вопросы — хорошо мы решаем эти вопросы или решаем плохо? И как наладить обмен идеями и технологиями их решения?

Тут пора прямо сказать о **российском теоретическом дефиците — отставании в развитии теории и**

**модели современного демократического государства.** Об утраченном представлении о мировой повестке демократизации, требующей совместных усилий и обсуждений. Ведь, собственно говоря, демократическая модель давно уже не разрабатывается в национальных границах. Как говорил тот же Эйзенштадт, не существует двух одинаковых демократий и нет ни одной демократии, которая смогла бы развиваться только на собственной местной основе.

России придется провести большую теоретическую работу, чтобы «перевести» проблемы своего государственного строительства на язык современной теории демократии. В докладе мы привели **хронику законодательных действий государственной власти за последние десять лет в области развития политической, партийной, избирательной системы.** Нам кажется, сама по себе она исключает пропагандистскую версию о том, будто бы Россия строит «витринную демократию». Демократический вектор выступает здесь довольно явно. Но это не значит, будто все принятые законы работают адекватным образом.

И здесь две проблемы, которые являются для России важными. **Это проблема низкого качества процедур исполнения законов. А с другой стороны, слабая культура политического участия** и вовлечения граждан в их собственные институты власти. Гражданин имеет возможность участвовать, но не участвует. Бюрократия в таких случаях умывает руки — мы сделали все, что могли! На это, конечно, надо возразить, что гражданское участие само по себе требует определенной политической поддержки. Президент Медведев обратил внимание именно на эту сторону вопроса.

Здесь просматривается важный скрытый параметр медведевской политики модернизации. **Модернизация для Медведева — путь к развитию социальной базы демократии, вовлечения граждан в ее институты.** Медведев твердо заявил, что демократия для России, это базовый мейнстрим, а не

аксессуар. Российская демократия — не дань мировой моде, а обязующий, бесповоротный государственный выбор. Выбор, который требует соблюдения определенных стандартов. В связи с этим, собственно, Медведев начал разговор о стандартах демократии. Подчеркивая, что Россия не ищет спора по поводу демократических ценностей. Споры требуют не ценности, споры требуют технологии демократии и приложение демократической теории.

О противниках демократии, использующих ее против нее самой, в основном говорили западные участники Форума. В связи с этим чаще всего называли правый и левый популизм, новые разновидности фундаментализма, религиозного и квазирелигиозного характера. Называли международные террористические и криминальные сети. Все эти проблемы реальны и для нас.

**Российская политика должна вернуться к основному демократическому словарю, скомпрометированному и отброшенному ее политическим классом почти двадцать лет назад.** Пора признать самим себе, что мы говорим «прозой» современной демократии, хороша она или плоха. Именно потому, что государственная модель России была и остается демократической, она нуждается в демократизации. **Демократизация — это процесс развития внутри любой демократической модели.** Если он останавливается, модель начинает разрушаться, а враги демократии получают шанс. Ведь нигде не написано, что модернизация в России может идти только на демократической основе. У России есть «богатый» опыт проведения репрессивных модернизаций. И если мы не сумеем выработать жизнеспособную политику ненасильственной модернизации для России, то ее модернизация пойдет иным, опасным руслом. Способна или нет демократия интегрировать Россию в мировое сообщество будущего? Это не только внутрироссийский вопрос. От этого зависит жизнеспособность современной демократии как таковой. ■